

Н.Ю. Данилова

СРОЧНИКИ, ПИДЖАКИ, ПРОФЕССИОНАЛЫ: МУЖЕСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ПОСТСОВЕТСКИХ ВОЙН

В статье проводится анализ типов мужественности разных социально-профессиональных категорий военнослужащих. Цель — представить разнообразие типов мужественности военнослужащих, проанализировать ресурсы и «конфигурации социальных практик», представляющие тот или иной тип мужественности. В качестве теоретической рамки в статье используются концепции Р. Коннела о множестве форм выражения мужественности и концепция военного профессионализма С. Хантингтона. Тексты участников современных войн разбиваются на три группы в зависимости от статуса автора текста: тексты «срочников» — солдат срочной службы; тексты «пиджаков» — лейтенантов, призванных в армию после окончания института; тексты профессионалов — кадровых военнослужащих. Эмпирическую базу для анализа составили автобиографические литературные произведения участников современных войн.

Служба в армии и участие в боевых действиях традиционно считаются одними из основных средств формирования *настоящей* мужественности. Однако кажущаяся однообразность нормативного образца военной мужественности разрушается при более внимательном анализе этого феномена.

Эмпирическим материалом для проведения анализа послужили *военные рассказы* (war stories) — автобиографические литературные произведения участников постсоветских войн*. *Военные рассказы* нередко являются объектом изучения историков, литературоведов, социологов, антропологов (Sherman 1999; Fussel 2000; Jeffords 1996; Зверева 2003 и др.). Исследователи отмечают, что отличительной чертой *военных рассказов* является их претензия на *правдивость* и аутентичное отражение войны. В то же время дискурс *военных рассказов* представляет собой социальный конструкт, который сформирован под

* К этому источнику я уже обращалась ранее. См. подробнее: (Данилова 2001).

влиянием политических, экономических и социальных условий. В гендерной теории подобный методологический подход развивает Роберт Коннел (Connell 1995). С его точки зрения, многообразие структурных условий порождает множество форм выражения маскулинности, которые зависят от институциональных условий, доминирующих культурных образцов и личностных качеств индивида (Connell 1995: 67–86). Подход Коннела способствовал изучению типов маскулинности в различных институциональных средах, в том числе и в армии.

Традиционно мужественность военнослужащих определялась с помощью категории гегемонной маскулинности (Connell 1995; Hatty 2000; Kamer 1998). Предполагалось, что служба в армии и участие в боевых действиях формируют *гегемонный (доминирующий) тип* маскулинности. Этот тип характеризуется агрессивностью, эмоциональной сдержанностью, способностью осуществлять насилие. Считалось, что насилие, являясь одним из основных инструментов утверждения власти в обществе, получает большую значимость именно в армии, где оно находит институциональную поддержку. Однако для современного воина навык по осуществлению насилия постепенно теряет свою значимость. Сложный комплекс технологических, организационных изменений коренным образом преобразовал гендерный порядок современных армий и привел к увеличению дистанции между солдатом и средствами разрушения, к формированию нового типа интеллектуальной, технической мужественности воина. Сегодня для многих категорий военнослужащих ношение оружие и осуществление насилия не являются обязательными элементами службы (Janowitz 1960; Jones 1985; Morgan 1994). Английский исследователь П. Хигейт (Higate 2003) продемонстрировал ограниченность традиционных представлений о «силовом» измерении маскулинности военнослужащих, сравнив «мягкую» мужественность военнослужащих технических специальностей и «сильную» мужественность представителей силовых ведомств (полицейских, пожарных). Американский исследователь Ф. Баррет (Barret 2001) изучил ресурсы выражения мужественности у представителей различных подразделений военно-морских сил США (летчиков, офицеров флота и офицеров службы обеспечения).

Несмотря на изменение социальной организации современной армии, представители отдельных родов войск и в определенных условиях должны проходить службу с оружием в руках и учиться применять насилие. Как раз к такой категории военнослужащих и относятся участники постсоветских войн и боевых действий. Многим из них приходилось учиться применять насилие. Для анализа роли насилия в статье используется концепция военного профессионализма Самуэля Хантингтона, представленная в его работе «Солдаты и государство» (Huntington 1957). Значимость концепции Хантингтона признается и российскими военными социологами (Серебрянников, Дерюгин 1998).

Хантингтон выделяет две категории военнослужащих: специалистов *по осуществлению насилия* (солдат-призывников, резервистов — «не настоящих» военных) и специалистов *по управлению насилием* (кадровых военных — истинных носителей военной этики и профессионализма). Мы полагаем, что данная концепция может быть полезна и в нашем случае. Основываясь на тезисе Коннела о множестве форм выражения мужественности и зависимости типа

мужественности от социально-профессионального статуса индивида*, а также на концепции военного профессионализма Хантингтона, можно выделить две характеристики, определяющие характер мужественности воинов — авторов текстов: *воинское звание и военная специализация*. Воинское звание рассматривается как основной критерий определения статуса военнослужащего. В соответствии с этим критерием тексты разбиты на три группы: тексты *срочников* — солдат, призванных на срочную военную службу; тексты *пиджаков* — офицеров, призванных на два года службы после окончания высших учебных заведений и прохождения военной кафедры в институте; тексты *профессионалов* — кадровых военнослужащих.

Воинское звание как критерий регламентации практики осуществления насилия является далеко не единственным фактором, определяющим формы выражения военной маскулинности. Специфичность источника *военных рассказов* определяется идеологическим контекстом войн — войн непонятных, «несправедливых», войн «неизвестно за что». Мы полагаем, что это пространство, начиная с советской войны в Афганистане и до затянувшихся войн в Чечне, несмотря на разный социально-политический контекст войн, функционирует по одним законам и объединяет целое поколение российских военнослужащих — участников *непонятных* войн последних двадцати лет. Характер эмпирического материала позволяет уточнить цель и задачи исследования: выявить ресурсы, сферы и формы выражения постсоветской военной мужественности.

Мужественности срочников: всемогущая каста, псы и жертвы войны**

Репрезентация практики *осуществления насилия* является основным критерием типологизации солдатской маскулинности. Анализ эмпирического материала позволил выделить три формы выражения солдатской маскулинности: нормативный тип (*добрые парни*) и два альтернативных типа (*отморозки и слабаки*).

Иллюстрация **нормативного типа** солдатской маскулинности представлена в рассказе «Добрые парни» Павла Андреева, призывника-десантника, принимавшего участие в боевых операциях в Афганистане. Примечательно, что в подавляющем большинстве *военных рассказов* описывается опыт солдат определенных родов войск, непосредственно принимавших участие в боевых операциях. Герои *военных рассказов* чаще всего проходят службу с оружием в руках в воздушно-десантных, мотострелковых, пехотных частях, разведывательных, специальных подразделениях. Опыт представителей других военных специальностей (водителей, связистов, военных строителей и др.) вытесняется за пределы доминирующего дискурса.

* Пример анализа мужественности разных социально-профессиональных групп, а именно, представителей среднего и рабочего класса в России см. (Мещеркина 2002).

** Результаты анализа мужественности военнослужащих срочной службы были представлены на семинаре «Маскулинности в России» (workshop «Masculinities in Russia»), Университет Иллинойса, Урбана-Шампань (США), 19–23 июня 2003 г. Выражаю благодарность всем участникам семинара, в особенности организатору семинара Сергею Ушакину за конструктивную критику и ценные советы.

«Добрые парни — всемогущая каста воинов, способны были делать это [убивать] лучше рабов, полностью непригодных для войны, опущенных, наркоманов и многих других...» (Андреев 1999а: 62). «Всемогущество» добрых парней определяется их способностью осуществлять насилие, и, если нужно, убивать. Для *добрых парней* насилие и убийство являются единственно возможным способом выживания на войне. Автор устанавливает параллель между насилием и выживанием. Обоснование насилия как самого эффективного инструмента выживания на войне позволяет автору легитимировать насилие и уйти от обсуждения вопроса о его моральной оправданности в данной ситуации (Зверева 2003: 102). Такой *уход* становится актуален в случае войн с размытыми идеологическими целями. С точки зрения американских исследовательниц, «отсутствие или неясность идеологических целей войны во Вьетнаме сделали выживание единственной ценностью для американских солдат» (Haines 1990: 86). На наш взгляд, этот фактор в полной мере работает в российском случае. Неоднозначность целей постсоветских войн обеспечила абсолютное доминирование ценности личного выживания в солдатском дискурсе о войне.

Ценность личного выживания дополняется второй значимой ценностью в солдатском дискурсе о войне. Научение навыкам выживания, а значит, и осуществлению насилия, репрезентируется в тексте как ситуация социализации нормального «мужика». Репрезентация войны как *ситуации возмущения* типична для кинодискурса о войне в Чечне. Отец главного героя в фильме «Война» (реж. А. Балабанов, 2002) говорит, что «война — это хорошо, война из парня мужика делает», а Иван Ермаков, по сюжету солдат-срочник, «чтобы стать героем, а точнее, чтобы стать “мужиком”, пройти инициацию и обрести коллективную идентичность» (Липовецкий 2003), в совершенстве овладевает ритуалом насилия. Тот же самый прием в ситуации идеологического кризиса Вьетнамской войны используется в фильме «Взвод» режиссера Оливера Стоуна (1986). Война воспринимается героями фильма, прежде всего, как ситуация выживания и инструмент формирования *настоящего* мужчины (Haines 1990: 93).

Критерием принадлежности к нормативной мужественности *добрых парней* служит их способность определять *меру* использования насилия по отношению к врагам и по отношению к своим. С помощью категории *меры* автор определяет границы ситуации и легитимные цели применения силы. Мера насилия по отношению к врагам определяется степенью угрозы для жизни. Для оценки ситуации *добрый парень* обладает такими качествами, как терпение и самоконтроль. «Нужно быть добрым, терпеливым — как снайпер, выбравший себе позицию в куче дерьма. Тогда выживешь и победишь себя вчерашнего» (Андреев 1999а: 131). Способность к терпению и самоконтролю — необходимые качества для воина, которые предполагают способность уважать и оценивать чувство страха. *Добрый парень* испытывает чувство страха, так как не боится только дурак, но он его преодолевает и действует «правильно, несмотря на чувство страха» (Андреев 1999а: 63). Как и чувство страха, *добрый парень* преодолевает чувства жалости и сострадания — они лишние на войне. Он «не испытывает сострадания, ибо никогда не чувствует жалости, даже к самому себе» (Андреев 1999а: 69).

Мера насилия по отношению к своим определяется двумя целями: необходи-

мостью обучения *молодых* и защитой групповых интересов *добрых парней*. Обе функции «внутреннего» насилия образуют каркас института неформальной социализации (отношений дедовщины и землячества) в российской армии (Банников 2002: 34–38). Дополнительным аргументом легитимации насилия в воинском коллективе является его эффективность как «простого метода пулеметных курсов»: научить человека действовать — выживать на войне, и, можно добавить, в российской армии. Этот вывод подтверждается результатами исследований российских социологов о значимости «грубого физического насилия» как основного инструмента поддержания взаимоотношений в воинском коллективе (Левинсон 2004, Банников 2002).

Добрые парни Павла Андреева умеют действовать «правильно» в бою и умеют жить «нормально» в воинском коллективе. Эпитеты «правильно, нормально» образуют *нормативность* маскулинности *добрых парней*. Кроме использования насилия, критерием *нормальной* идентичности *добрых парней* является их «способность сохранять себя и уважение к другим», «жить самому и давать жить другим», «уметь держать равновесие между собой и остальными и не допускать беспредела при защите групповых интересов» (Андреев 1999а: 74) — другими словами, соблюдать правила легитимного применения силы в солдатской среде. Таким образом, репрезентация нормативной солдатской мужественности воспроизводит базовые элементы классического образца традиционной военной мужественности. Агрессивность, аффективная нейтральность и *правильное* осуществление насилия на войне и в воинском коллективе служит залогом принадлежности к категории *добрых парней* — *настоящих* *воинов*.

Нормативной мужественности *добрых парней* противостоят два типа альтернативной солдатской мужественности — *отморозков* и *слабаков*.

Мужественность *отморозков* в строгом смысле находится вне системы отношений господства-подчинения. Способность к осуществлению насилия без правил определяет этот тип солдатской мужественности. Характеристику *отморозков* представляет Денис Бутов, сержант разведывательного подразделения внутренних войск, участник боевых действий в Чечне: «Многие у нас в бригаде стали волкодавами — злыми псами, которым все равно, кого рвать — волка ли, чужого человека, своего щенка. Волкодавов тоже уважали. Через страх. Я видел, как менялись лица у молодых, когда они слышали голос Мамай. Хотя на самом деле Мамай — вовсе не плохой парень. Он просто отморозок. У него три контузии, легкие, правда, но три. Заводится он с полтинка, как хороший мотоцикл» (Бутов 2001). Для *отморозков* насилие потеряло моральную легитимность, и, перестав быть инструментом выживания, стало самоцелью, когда «все равно, кого рвать». Способность к бесконтрольному насилию определяет отношение окружающих к *отморозкам*. *Отморозков* боятся, их уважают из-за страха, а не за «доброту».

Для самих *отморозков* страх перестал иметь значение, а желание выжить потеряло смысл. Не жизнь, а смерть, месть за погибших товарищей служит обоснованием их действий. «Кубик слыл в роте отморозенным. Молчал, порой обкуривался “в дым”, бил без предупреждения, охотно идя на обострение отношений. Их в роте было трое земляков, призванных из Ал-

тайского села. Под дембель из этой дружной компании алтайцев в живых остался только Кубик» (Андреев 1999б). Таким образом, война для данного типа мужественности является единственно возможной сценой презентации себя, смыслом жизни и самоценностью. В то же время, следует подчеркнуть, что именно война является причиной появления *отморозков* — псов войны. Участие в любых войнах может привести к кошмарам и бесконтрольной агрессии, но эта вероятность выше в войнах с нелегитимными целями.

Третий тип объединяет две категории подчиненной солдатской мужественности: *молодых* и *слабаков*. Основным критерием принадлежности к этой группе является неспособность осуществлять насилие.

Молодые являются носителями *временной* подчиненной солдатской мужественности. Их статус определяется сроком службы и регулируется иерархическими отношениями дедовщины. Переход в статус более опытных воинов может позволить им стать *добрыми парнями* или навсегда перейти в статус *слабаков*, которые, *«потеряв свои имена, не смогут заработать новых»* (Андреев 1999с). Отсутствие имени обозначает неспособность найти себе место на войне. Без имени молодые неизбежно попадут в категорию «рабов, слабовольных, жертв, непригодных для войны», т. е. станут *слабаками*.

Слабаки принадлежат к категории постоянно подчиненной мужественности. Они по каким-либо причинам не могут или не хотят осуществлять насилие. Слабость *слабака* определяется не физической силой, а моральными качествами воина. Демонстрация физической силы, «Рэмбо-типа» представлена как не настоящая, фальшивая мужественность. Примечательно, что одними из носителей демонстративной мужественности в нарративах *солдат-срочников* часто становятся младшие офицеры (лейтенанты), когда подчеркивается ограниченность и бесполезность навыков молодого кадрового офицера. *«Водку пить умеет, стрелять еще умеет на стрельбище, и еще строевым шагом ходить... охренеть, какой набор умений и навыков у бравого лейтенанта»* (Бутов 2000). Примечательно, что негативный образ российского офицера, «небритого, пьяного, расхлестанного, в грязном камуфляже, как будто служит в свинарнике», создается и у значительной части гражданского населения (38 % опрошенных) (Петрова 2002).

Мужественность *слабаков* замыкает цепочку образов мужественности в солдатской среде. Представленная картина характеризуется зависимостью от ситуации, в которой приходится действовать солдатам. Война в данном случае репрезентируется не как профессионально или непрофессионально подготовленная операция, справедливая или нет политическая акция, а представлена, прежде всего, как *повседневность*, в которой насилие и убийство являются неотъемлемыми частями жизненного опыта солдата. Логика ситуации боевых действий и военной службы в российской армии диктует соответствующие средства выражения солдатской мужественности. Основным средством становится способность к *правильному* осуществлению насилия на войне и воинском коллективе. Лучше всех правилам насилия удается следовать представителям нормативной солдатской мужественности, которые знают меру и границы его использования, в отличие от *отморозков* и *слабаков*. Преодоление повседневных трудностей — личное выживание и успешное прохождение этапов нефор-

мальной социализации — образуют базовые элементы нормативной мужественности российского солдата-срочника.

Маргинальная мужественность лейтенантов-пиджаков

Одним из инструментов комплектования младшего офицерского состава в российской армии является призыв на военную службу студентов, закончивших военные кафедры и факультеты гражданских вузов. Эта категория военнослужащих достаточно многочисленна. В соответствии с Указом Президента РФ от 10.04.2000 г. № 660 на основании Закона РФ «О воинской обязанности и военной службе», в 2000–2005 гг. планировалось ежегодно призывать на военную службу до 15 тыс. граждан, окончивших учреждения высшего профессионального образования и зачисленных в запас с присвоением воинского звания офицера (лейтенанта) (Мулява 2003: 64). За опыт обучения в высшем учебном заведении в российской армии гражданские лейтенанты получили прозвище «пиджаки».

Пиджаки представляют собой специфическую категорию военнослужащих: это ни профессиональные военные, ни солдаты-призывники. Они, так же, как и солдаты, проходят военную службу по призыву в течение двух лет, но условия службы для них существенно отличаются от солдатской среды. В институциональной структуре российской армии эта группа оказывается посередине между институционально доминирующей мужественностью кадровых офицеров и подчиненной мужественностью солдат-срочников.

Материалом для анализа стали рассказы Павла Яковенко — *пиджака*, участника Первой войны в Чечне. Один из первых рассказов Яковенко называется символично: «Дневник Славы Пушко» (2001). Обращение к метафоре «дневника» позволяет подчеркнуть гражданское происхождение героя. История начинается с описания первых месяцев службы героя, описания кризиса дезадаптации и конфликта идентичности гражданского человека и навязанного образа военного профессионала. С первых страниц герой говорит о своей несостоятельности в роли *настоящего* офицера («ну какой из меня офицер?!»). Несостоятельность выражается в нестандартной форме одежды (герою не достались форменные ботинки и ему выдали белого, а не защитного цвета бушлат), которая «сидит на нем как на корове седло», и закрепляется неспособностью и зачастую нежеланием *пиджака* следовать установленным правилам поведения, привычным для кадрового офицера. По мнению героя Яковенко, эти правила включают в себя два основных умения: пить водку и командовать. Практика «командования» предполагает способность объяснить подчиненным стоящую перед ними задачу всеми доступными методами, а именно «наорать на личный состав», «говорить кратко и емко», «дать подзатыльник», если нужно. Даже предполагаемое следование каждому из этих правил вызывает ужас у главного героя Яковенко («как я буду их бить?!»). Практика коллективного пьянства является единственным действием, которым герою удастся овладеть быстрее всего, так что «как бы не спиться». Водка помогает бороться с ностальгией («каждый вечер пьем горькую и поем тоскливые песни»), становится инструментом установления хороших взаимоотношений в коллективе и необходимым атрибутом ритуала инициации при поступлении на службу («вливания в коллектив»).

Внешний вид главного героя, его манера поведения постоянно вызывают недовольство начальства. *«1 сентября. Вчера на разводе проверял наряд подполковник Маринин. Как он увидел мои ботинки, его чуть удар не хватил. Он так орал, что пена изо рта летела. Я попытался вякнуть, что мне не выдали положенную обувь, но лучше бы я этого не делал. Он выгнал меня с развода, поэтому про права человека я ничего ему сказать не успел»* (Яковенко 2001б). Герой не соответствует образу офицера, он неправильно одет, и главное, он неправильно себя ведет. Он пытается объяснить причину своего неуставного вида, однако это приводит только к тому, что его выгоняют из строя. *Пиджак* постоянно действует с точки зрения окружающих как «кидот», «недоумок», «дурак», над которым «прикалываются кадровые офицеры» (Яковенко 2001г).

Герой-пиджак представлен как физически слабый человек. Физические нагрузки, как и перспектива осуществления насилия, вызывают негативные эмоции у героя рассказов Яковенко. *«...Но я, конечно, не майор, не Бугаенко, не даже старший лейтенант. Ко мне рядовой Мустафаев уже какой день лезет: “Давай на ручках поборемся!”. Какое там поборемся!? Я до сих пор на зарядку ни разу не ходил; один раз на кроссе побывал. В квартире пытался поднять штангу — поднял до пояса. Надо заниматься спортом. По чуть-чуть»* (Яковенко 2001б). Физическая сила становится актуальной для лейтенанта-пиджака только в армии, в гражданской жизни он располагал ресурсом профессионала (он был налоговым инспектором) для выражения мужественности и не нуждался в физической силе. Таким образом, в тексте выстраивается противопоставление между ресурсами выражения мужественности в армии и в гражданской жизни: в армии герой физически слаб и не состоятелен как офицер, в гражданской жизни он успешный профессионал.

Физическая слабость, «пиджачное происхождение», а также отсутствие опыта солдатской службы (*«солдатской жизни, так сказать, не нюхал»*) мешают герою наладить отношения с коллегами и подчиненными. В результате *«уважения со стороны солдат никакого... подчиняются они мне плохо, дать по морде — сил не хватает <...>. К кадровым офицерам отношение намного лучше. А я что: институт закончил, два года пошарахался и домой... И отношение соответственное — кадровые посмеиваются, солдаты презирают»* (Яковенко 2001б). Временность военной мужественности пиджака становятся причиной подчиненности его мужественности не только мужественности кадровых офицеров, но отчасти и солдатской мужественности. Но временность роли военного и «пиджачная» неспособность к насилию не мешает герою Яковенко использовать в своих интересах существующую в солдатской среде иерархическую структуру власти, где *добрые парни* доминируют над *молодыми и слабаками*. Лейтенант не вмешивается в драку между солдатами («а что я делаю?!»), за принятием решений обращается к «авторитетам», а на выполнение тяжелых работ назначает «лохов» и «припаханных» — традиционный тип подчиненной солдатской мужественности в российской армии (Яковенко 2001а, 2001в).

Специфический, маргинальный статус пиджака заставляет его искать новые возможности повышения авторитета у подчиненных. Рассказы Яковенко позволяют выделить три стратегии повышения авторитета пиджака. Первая

стратегия «взаимности» состоит в том, что лейтенант использует мягкие формы демократического управления и надеется на то, что солдаты будут относиться к нему соответственно. Возможности такой «взаимности» между бойцами и офицером-*тиджак*м способует вынужденный характер службы обеих категорий военнослужащих. И солдаты, и *тиджак*и проходят службу по призыву, поэтому хотят «протянуть потихоньку» до конца службы. На наш взгляд, именно принудительный характер военной службы для выпускников вузов может объяснить «их пассивность и безразличие к существующим в подразделении проблемам» (Мулява 2003: 67), зафиксированную военными социологами. Вторая стратегия установления взаимоотношений с солдатами обусловлена неспособностью *тиджак*а руководить подчиненными. Молодому лейтенанту «стыдно заставлять солдат» и легче сделать работу самому. Третья стратегия состоит в обращении к ресурсу самоподготовки, когда лейтенант пытается самостоятельно компенсировать скудные знания, полученные на военной кафедре. Таким образом, во всех трех стратегиях *тиджак* использует ресурс интеллектуальной мужественности «гражданского» офицера. Он пытается найти компромисс с подчиненными, отказавшись от авторитарного стиля руководства, традиционного для российской армии, ассоциирует свой статус со статусом солдата (т. е. также институционально подчиненной мужественности в армии) и, наконец, обращается к своему основному капиталу интеллектуала, который может самостоятельно выучить предмет хотя бы теоретически.

В рассказах Павла Яковенко описания взаимоотношений с подчиненными, с кадровыми офицерами, рутина военной службы (уборка, организация обедов, отдыха — своего и вверенного подразделения) занимают основное место. Герой выступает одновременно как завхоз и технический специалист, перед которым стоят насущные проблемы обеспечения нормального функционирования подразделения, а в условиях боевых действий еще и выполнения боевой задачи (определения направления стрельбы, расчета расстояния до цели и работы затвора орудия). Непосредственно тематика осуществления насилия не находит отражения в тексте. В результате перед нами предстает технический специалист, «клерк», который в силу обстоятельств и должности должен выполнять функции по *управлению насилием*, а не профессионал в его практической реализации, как в случае солдатской мужественности. Возможно, отчасти одной из причин отказа от обсуждения тематики насилия является военная специализация героя Яковенко (он артиллерист). Но другая причина, — на наш взгляд, более важная, — может заключаться в самом статусе *тиджак*а: не солдата и не «настоящего» офицера. Насилие само по себе не составляет важной части выражения мужественности *тиджак*а, бывшего студента и лишь временно выполняющего обязанности профессионального военного. Он оказывается неспособен к насилию по отношению к солдатам и, вероятно, неспособен идеализировать ситуацию осуществления насилия по отношению к врагам на «странной» войне в Чечне.

Мужественность кадровых офицеров: профессионалы войны

В дискурсе постсоветских войн офицеры редко становятся героями военных рассказов. Если это происходит, то действующими лицами чаще всего стано-

вятся офицеры среднего звена в звании от старшего лейтенанта, капитана и примерно до полковника. Из российских киногероев — участников Афганской и Чеченских войн можно вспомнить майора Бандуру («Афганский излом», 1997, реж. В. Бортко), капитана Медведева («Война», 2002, реж. А. Балабанов), капитана Числова («Честь имею», 2004, реж. В. Бутурлин). Капитаном является и главный герой романа Вячеслава Миронова «Я был на этой войне» (Миронов 2001). Автор романа — кадровый военный, участник военных операций в Азербайджане, Приднестровье, Чечне.

Для анализа мужественности российского офицера используется концепция военного профессионализма Самуэля Хантингтона (осуществление и управление насилием). С точки зрения Хантингтона, в современной армии профессиональный военный должен быть профессионалом, прежде всего, в управлении насилием, а не в его осуществлении, как рядовые военнослужащие. Однако для позднесоветского и российского контекста типичен образ «мужика с автоматом». В кинематографе история офицерских типажей начинается с бравого майора Бандуры в исполнении популярного в СССР итальянского актера Микеле Плачидо (х./ф. «Афганский излом»). По мнению кинокритиков, такой прием позволял предложить взамен советского мифа о «народе-победителе» времен Великой Отечественной войны миф, адекватный современным условиям. Таким мифом стал образ «настоящего мужика», с оружием в руках делающего свое дело. Смысл этого дела и героических усилий майора так и остался не артикулированным. Можно предположить, что смыслом была сама Война, когда «не так уж важно, что майор Бандура пришел на эту землю по чьему-то идиотскому приказу» (Добротворский 2005).

Роман Миронова также эксплуатирует этот образ. Главный герой, по военной специальности — инженер связи, представлен в романе прежде всего как *профессионал в осуществлении насилия*, а не в управлении им. Более того, навык по осуществлению насилия репрезентируется как неотъемлемая часть профессиональной деятельности офицера, как его работа, а не способ выживания на войне. В этой работе настоящий офицер является профессионалом, мастером своего дела. «...*Впереди, возле основания пушки, устроился старший лейтенант Воронин... У Воронина было прозвище Зубастик... Ножом он работал виртуозно. Многие в бригаде, в том числе и я, ножом могли разделить человека за две минуты. Но абсолютный рекорд держал Зубастик... На то, чтобы перерезать основные вены у человека, — а это на запястьях, локтевых сгибах и под мышками, сонные артерии на шее с двух сторон, да в паху, — Зубастику требовалось меньше минуты... Был старлей немногословен, но те, кто видел его в деле, — уважали... и не потому, что можно было с разворота получить каблуком по зубам. Нет, просто человек своей работой внушал людям уважение... Мужик просто работал*» (Миронов 2001: 117). С точки зрения исследовательницы Г. Зверевой, определение *настоящей мужской работы* через метафору «воевать / убивать» — типичная черта не только военных рассказов, но и в целом российской популярной литературы о войне (Зверева 2003: 104). В некотором смысле метафора работы в офицерском дискурсе заменяет ценность выживания из солдатского дискурса. Тем самым, использование подобных метафор позволяет

легитимировать Войну как необходимую сферу для профессиональной самореализации настоящего воина*.

В романе Миронова мастерство профессионального военного в осуществлении насилия является достаточным основанием для уважения со стороны подчиненных и коллег. Вместе с тем, сама возможность «получить с разворота каблуком по зубам» говорит о способности кадрового офицера не только заслужить, но и «добиться» уважения, используя насилие в воспитательных целях. Эта перспектива — «заставить уважать» и, тем самым, признать существующую в российской армии систему отношений, относится прежде всего к подчиненным — военнослужащим срочной службы. Настоящий офицер «держит своих подчиненных», он может «разбить морды» за нарушение формальных, а главное, неформальных правил поведения в воинском коллективе. В офицерском тексте главным субъектом поддержания лояльности в армии становится офицер, а не солдатский коллектив, как в случае солдатской мужественности. Однако, примечательно, что, независимо от переопределения ситуации, основным инструментом поддержания лояльности не изменился. Прямое насилие по отношению к нарушителям по-прежнему служит основным инструментом воспитания. Мотив обращения к насилию наиболее полно представлен в следующей цитате. «...Я прекрасно понимал, что сейчас командир взвода разобьет морды своим подчиненным. И мне не было их жалко. И будет он их “воспитывать” не за то, что они попытались присвоить деньги и не сдали их в доход государства, а за то, что не доложили командиру, не внесли деньги в общую копилку взвода, роты, затихарили, “закрысили”, а также за то, что так быстро “раскололись” при виде штабного начальства, меня т. е.» (Миронов 2001: 120). Физическая сила или ее аналог в виде виртуозного владения оружием становится неотъемлемой частью нормативной мужественности кадрового офицера. Физическая слабость офицера обозначается как закономерное следствие тягот военной службы. Подобно переопределению значения физической силы трансформируется значение практики потребления алкоголя у профессиональных военных. Потребление алкоголя представлено как вынужденный шаг в боевых действиях — «на войне пьют для дезинфекции», «красные глаза не желтели».

Профессионализм офицера служит обоснованием меры насилия на войне. Критерием меры для кадрового офицера становится прежде всего выполнение приказа, «задания Родины, партии и правительства», и только потом выживание — основной критерий солдатской нормативной мужественности. «Выполнить задание и, по возможности, выжить. Задание — для Родины, партии и правительства, а выжить — для себя» (Миронов 2001: 279). Ценой выполнения приказа для боевого офицера становятся жизни солдат, его подчиненных. Это обоснование цели позволяет нам перейти ко второй составляющей военного профессионализма: репрезентации навыков по управлению насилием.

Согласно теоретической схеме, управление насилием — основной навык

* Я позволю себе не согласиться с выводами Г. Зверевой о том, что книгу Миронова можно рассматривать как пример критического дискурса о Чеченской войне. Если это критика, то критика непрофессионально подготовленной операции. См. подробнее: (Зверева 2002).

профессионального военного. Хантингтон выделил три составляющие профессионализма офицеров: экспертизу, ответственность и корпоративность (Huntington 1957: 8–20). Идеально-типические составляющие военного профессионализма приобретают в российском случае свою специфику.

Экспертное знание профессиональных военных состоит в том, что они знают, как организовать оснащение, обучение и использование военной силы в боевых операциях. Не составляет исключения и российский кадровый офицер, участник войны в Чечне. Он является экспертом в использовании военной силы. Но статус эксперта в романе Миронова трансформируется в обсуждение проблем ответственности офицера перед своими подчиненными. Ответственность российского офицера приобретает двойственное значение. С одной стороны, следование коду военного профессионализма служит основным критерием *настоящей* мужественности кадрового офицера, с другой — профессиональная ответственность офицера становится причиной участия капитана Миронова в такой *«авантюре»* и *«профессионально непродуманной операции»*, как Первая война в Чечне. Вновь цитата: *«...Для чего все эти войны? Хотя, честно говоря, никто из нас так до сих пор до конца и не понял, что же тут происходит и происходило. Цель одна — выжить и выполнить задачу, максимально сохранив при этом людей. Не выполнишь — пошлют других, которые, может, из-за твоего непрофессионализма, трусости, желания вернуться домой будут ложиться под пулеметно-автоматным огнем, разрываемые осколками гранат, мин, попадут в плен. И все из-за тебя. Не по себе из-за такой ответственности? Мне тоже»* (Миронов 2001: 14). Тем не менее, герой романа, кадровый офицер берет на себя ответственность за жизни вверенных ему солдат. Он самостоятельно принимает решения для выполнения поставленной перед ним задачи. Неспособность самостоятельно принимать решения свидетельствует о профессиональной некомпетентности, *слабости* офицера. *Слабак-солдат* не может нести ответственность за свою жизнь на войне, непрофессиональный офицер — *слабак в профессии* — не может нести ответственность за жизнь других, *«сам загнетя и людей положит»*.

Ответственность перед солдатами становится основным инструментом выражения профессионализма офицера. Капитан Миронов готов *«за своего бойца»* многих *«сокрушить»*, *«жизни не пожалеет, лишь бы вернуть его домой, живым и невредимым»* (Миронов 2001: 29). *Настоящий* офицер выступает в роли символического отца, который борется и тяжело переживает гибель каждого своего сына-солдата. *«... Когда видишь, как траки танков и БМП разламывают, молотят плоть, <...> тогда главное ни о чем не думать, сохранить людей, потому что бойцы, которых ты потеряешь, будут сниться по ночам. И придется писать похоронки и акты опознания тел. Врагу своему злейшему не пожелаю этой работы. Лучшие захлебываться в атаке, поливать, выпучив глаза, из родного АКС направо и налево, чем в землянке писать эти страшные бумаги»* (Миронов 2001: 14). Лучше быть исполнителем, чем нести ответственность за выполнение приказа — заключает капитан Миронов. Но быть исполнителем ему мешает долг профессионала в управлении насилием, а значит, и способность сохранения чужих жизней, а не только своей. Обязанность *«писать похоронки»* и нести ответствен-

ность за жизнь каждого бойца становится ценой профессионализма «настоящего» офицера.

Таким образом, тема ответственности перед подчиненными занимает центральное место в репрезентации нормативной мужественности российского кадрового офицера. Офицер фактически оказывается перед выбором между двумя ценностями: выполнение приказа как достижение цели своей профессии и сохранение человеческой жизни как цены за выполнение приказа. Такая проблема выбора всегда актуальна в профессии военного, но она еще более обостряется в случае военной кампании «неизвестно за что», такой, как война в Чечне. Идеологический кризис Чеченской войны приводит к кризису ответственности военного профессионализма, а тем самым, к кризису мужественности кадрового офицера — участника войны. Выход из кризиса профессиональной ответственности достигается посредством переноса ответственности офицера — как исполнителя приказа (в некотором смысле такого же солдата) на тех, кто отдавал приказ. Тем самым, доминирующая в армии мужественность кадрового офицера встраивается в общую структуру отношений власти в обществе и оказывается институционально подчиненной (без вины) вышестоящим органам: штабным начальникам, не знающим ситуации, анонимному государству, правительству и политикам, развязывающим войны в своих политических и экономических интересах. Перенос ответственности позволяет нам перейти ко второй составляющей классической модели военного профессионализма Хантингтона — *ответственности* офицера перед обществом.

По Хантингтону, *ответственность* офицерства представляет собой специфический тип социальной ответственности за обеспечение безопасности общества и использование насилия в социально-приемлемых целях. В российском случае офицер — участник боевых действий — не принимает в качестве легитимной и социально-приемлемой цели войну в Чечне. Герой романа Миронова обвиняет правительство, политиков, которые «заставили армию стрелять в собственный народ по бездарной прихоти и политической импотенции кремлевских алкоголиков, впавших в маразм» (Миронов 2001: 198). Тяжесть ответственности офицера перед обществом снимается посредством дискурсивной переадресации ответственности перед обществом самому обществу. Этот прием типичен в целом для ветеранской прозы. Сначала воины-«афганцы» обвиняли общество, «не заметившее войну и их самих» (Курицын 1990, Агеев 1993), затем участники войн в Чечне предъявили обвинения обществу. В романе Миронова эта тема ответственности общества раскрывается через диалог с Читателем. В обращении к Читателю — гражданскому лицу (очевидно, мужчине в возрасте примерно от призывного возраста и до 45 лет) высказываются обвинения, которые боевой офицер — участник войны предъявляет обществу. Читатель предстает перед нами *слабаком*, носителем подчиненной гражданской маскулинности. Он вел повседневную жизнь, он «праздновал Новый год, ходил в гости, катался детишками полупьяный с горки», когда шла война и *настоящие* мужики *работали* и честно делали свое дело за него.

Противопоставление воюющей и гражданской мужественности традиционно для текстов ветеранов войн. Граница между участниками Первой мировой войны и гражданскими лицами выстраивается через гендерные оппозиции: «на-

стоящие мужчины на линии фронта, все остальные — на гражданке» (Sherman 1999: 26). Стратегия культурной ремаскулинизации гражданских лиц доминирует и в репрезентации Вьетнамской войны в США (Jeffords 1989). Репрезентация войны в Чечне не является исключением. Гражданский Читатель представлен как политически пассивный гражданин (*не настоящий мужчина*), который не выступил против войны, «не шел на площадь и не митинговал с требованием спасти наших бойцов». Он ничего не делал, он был равнодушен, «апатичен ко всему происходящему». Читатель отказался разделить ответственность за войну, и поэтому именно Читатель в будущем может стать жертвой вернувшихся *псов войны*. Приведем цитату: «...*И самый страшный вариант — очередная революция. Со всеми вытекающими последствиями. В любом варианте, Читатель, ты “пролетаешь мимо кассы”. С той лишь разницей, что парни, которые сейчас лежат вокруг меня, будут тебе вспарывать живот и заставят смотреть на мучения твоих жен, дочерей, сестер, подруг. Не из вредности или кровожадности, а просто из-за элементарной мести. За то, что ты молчал, засунув свой язык... между зубов, когда духи нас заставляли смотреть, как мучаются наши товарищи. Вот так, господин Читатель. Думай*» (Миронов 2001: 292). Обращение к Читателю позволяет «восстановить справедливость» в иерархии отношений между гражданской и военной мужественностью, и хотя бы дискурсивно переопределить параметры гендерного порядка российского общества. Автор рисует сценарий, в котором сцены презентации мужественности изменятся, а подчиненная и «виноватая» мужественность участников войны в Чечне попытается взять реванш в гражданской жизни.

Корпоративизм является последним компонентом военного профессионализма по Хантингтону. Он формируется за счет институциональной организации армии: униформы, воинского звания, специфической системы ценностей (кода воинской чести). Капитан Миронов форму любит и умеет ее носить. По мнению Миронова, «настоящий» офицер должен быть всегда «опрятным, свежим, подтянутым», в «наглаженной и сверкающей форме». Лишь ситуация боевых действий, необеспеченность бытовых удобств могут служить достаточной причиной нарушения формы одежды офицера.

Вторая характеристика корпоративизма в российском случае приобретает два дополнительных измерения: наличие *настоящего* опыта военной службы и опыта участия в боевых действиях. *Настоящий* опыт военной службы предполагает последовательное прохождение всех ступеней воинской иерархии: «*досрочно звания не получать*», не попадать после училища на «*штабные паркет*» (Миронов 2001: 56). Опыт участия в боевых действиях, когда пришлось «*повоевать, понагибаться каждой пуле, поковыряться в земле*» служит дополнительным ресурсом корпоративности участников войны.

Герой Миронова идентифицирует себя не только как профессионал в осуществлении и управлении насилием, но и как член «одной большой семьи». Примечательно, что именно в офицерских нарративах границы корпоративности символически расширяются. Конструируется категория *братства* всех участников постсоветских войн: «*махры, бешенных псов, отчаянных сибиряков*». Корпоративизм военного братства имеет две стороны. С одной стороны, братство символизирует крепкую связь между членами группы, с другой, свиде-

тельствует об одиночестве, исключенности группы в обществе. В результате мы вновь возвращаемся к теме мужественности участников чеченской войны, несправедливо подчиненной доминирующей в мирной жизни гражданской мужественности политиков, штабных начальников и равнодушного общества.

Итак, проведенный анализ позволяет нам сделать общий вывод о репрезентации мужественности участников постсоветских войн. Идеологическая неоднозначность постсоветских войн выразилась в деконтекстуализации войны в литературных опытах ее участников. Война представлена ими прежде всего как экстремальная ситуация выживания для солдат, пустая трата времени для «гражданских» лейтенантов и проверка профессионализма кадровых офицеров.

Репрезентации **солдатской мужественности** выстраиваются вокруг двух основных целей: выживания и возмужания. *Осуществление насилия* служит основным инструментом достижения этих целей и на войне, и в российской армии, служба в которой может быть приравнена к военным действиям. *Добрый парень* — представитель нормативной солдатской мужественности — знает правила и границы использования насилия. Эти правила стали безразличны для *отморозков* — псов войны, которых, в свою очередь, породила война. Неспособность осуществлять насилие, а значит, и неспособность успешно пройти этапы неформальной социализации в российской армии определяют статус подчиненной солдатской мужественности *слабаков* и *молодых*.

Ограниченные способности к *осуществлению и управлению насилием* и, главное, нежелание следовать традиционным практикам дисциплинирования в российской армии характеризуют **маргинальную мужественность** *тиджаков*. Вынужденно оказавшись в роли офицеров, институционально доминирующей позиции в армии, студенты пытаются найти другие стратегии управления в армии, альтернативные насилию. В некотором смысле именно эта категория военнослужащих могла бы представлять новый тип военнослужащих, технических специалистов по управлению насилием. К сожалению, в российской армии для этого пока мало условий. Анализ репрезентации мужественности студентов позволяет показать столкновение ценностей гражданской и военной мужественности, представить, как успешная мужественность профессионала в мирной жизни становится подчиненной мужественностью «настоящего» офицера в армии.

Репрезентации нормативной маскулинности **кадровых офицеров** определяются традиционными ценностями военного профессионализма. Существенное отличие заключается в том, что российский кадровый офицер среднего звена представлен как мастер, профессионал и в осуществлении, и в управлении насилием. Профессионализм в *осуществлении насилия* (физическая сила, владение оружием, институциональная власть) дает возможность офицерам добиться уважения среди подчиненных и коллег. Профессионализм в *управлении насилием* заставляет офицера нести ответственность за принятые решения, вытесняя ценность личного выживания на второй план. Ответственность перед непосредственными подчиненными для российского офицера служит основным измерением военного профессионализма и «настоящей» мужественности. В дискурсе военных рассказов проблематизация темы ответственности вытесняет на второй план обсуждение деталей организации военной службы и проведения боевых операций — традиционных элементов управления насилием. В

результате именно кризис ответственности актуализирует кризис мужественности кадрового офицера, участника Первой войны в Чечне. Доминирующая мужественность военного профессионала оказывается подчиненной гражданской мужественности криминальных, политических, финансовых групп и равнодушно к войне российскому обществу. Разрешение кризиса маскулинности выражается в угрозе обществу и возвращении к базовым ценностям военного профессионализма: выполнения воинского долга, несмотря на обстоятельства.

В заключение можно констатировать, что на сегодняшний день в литературном дискурсе участников постсоветских войн нет выхода из замкнутого круга войны и насилия. Выделенные нами формы репрезентации постсоветской военной маскулинности замкнуты сами на себя. Деконтекстуализация войны позволяет избежать вопросов о смысле войны. Вопрос, зачем был нужен этот тест выживания, возмужания и профессионализма, остается без ответа.

Литература

Агеев А. Мерзкая плоть. Олег Ермаков и перспективы «афганской» литературы // Знамя. 1993. № 4.

Андреев П. Добрые парни // Самый легкий день был вчера. СПб.: Гелиос плюс, 1999а.

Андреев П. Дождь // Самый легкий день был вчера. СПб.: Гелиос плюс, 1999б.

Андреев П. Пуля // Самый легкий день был вчера. СПб.: Гелиос плюс, 1999в.

Банников К. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы российской армии. М.: Наука, 2002.

Бутов Д. Как не сбываются мечты // www.artofwar.spb.ru, 2001.

Бутов Д. Минус один день // www.artofwar.spb.ru, 2000.

Данилова Н. Трансформация мужественности в проективной и реальной карьере инвалида войны // Гендерные исследования. 2001. № 6.

Добротворский С. Кино на ощупь // http://www.dnevkinno.ru/library_dobrotvorsky_9.html. Ресурс проверен: 13.01.2005.

Зверева Г. Дискурс популярной литературы о современной России // Популярная литература: Опыт культурного мифотворчества в Америке и в России: Материалы V Фулбрайтской гуманитарной летней школы / Под ред. Т.Д. Венедиктовой. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003.

Зверева Г. «Работа для мужчин»? Чеченская война в массовом кино России // Неприкосновенный запас. 2002. № 6 (26).

Курицын В. О чем думает «саперная лопатка»? // Знамя. 1990. № 5.

Левинсон А. Армия как институт социализации // Общественные науки и современность. 2004. № 4.

Липовецкий М. В отсутствии медиатора // Искусство кино. 2003. № 8.

Мещеркина Е. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности: Сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Миронов В. Я был на этой войне. Роман. М.: Библион – Русская книга, 2001.

Мулява О.Д. Из вуза — на офицерскую службу: вопросы социально-профессиональной адаптации // Социологические исследования. 2003. № 6.

Павлова Н. Интервью с П. Андреевым «Сюда ходят люди покрепче...» // Самый легкий день был вчера. СПб.: Гелиос плюс, 1999.

Петрова А. Два образа российского офицера // http://bd.fom.ru/report/cat/societas/army/army_image/of020705. Отчет от 21.02.2002. Данные всероссийского опроса городского и сельского населения фонда «Общественное мнение», от 16 февраля 2002 года. Выборка 1500 респондентов.

Серебрянников В., Дерюгин Ю. Социология войны. М, 1998.

Яковенко П. Дневник Вити Поддубного // www.artofwar.spb.ru, 2001а.

Яковенко П. Дневник Славы Пушко // www.artofwar.spb.ru, 2001б.

Яковенко П. В здоровом теле, здоровый дух // www.artofwar.spb.ru, 2001в.

Яковенко П. Первомайский // www.artofwar.spb.ru, 2001г.

Barret J. The Organizational Construction of Hegemonic Masculinity: The Case of the US Navy // *The Masculinities Reader* / Ed. by St. Whitehead, F. Barrett. Cambridge: Polity Press, 2001.

Connell R. *Masculinities*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1995.

Connell R. *Masculinity, Violence, and War* // *Men's Lives* / Completed by M. Kimmel, M. Messner. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Fussell P. *The Great War and Modern Memory*. L.: Oxford University Press, 2000.

Haines H. «They Were Called and They Went»: The Political Rehabilitation of the Vietnam Veteran // *From Hanoi to Hollywood. The Vietnam War in American Film* / Ed. L. Dittmar, G. Michaud. New Brunswick, London.: Rutgers University Press, 1990.

Hatty S. *Masculinities, Violence and Culture*. L.: Sage Publications, 2000.

Higate P. «Soft Clerks» and «Hard Civvies»: Pluralizing Military Masculinities // *Military Masculinities. Identity and the State* / Ed. by P. Higate. Westport, Connecticut, London: Praeger, 2003.

Huntington S. *The Soldiers and the State*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University, 1957.

Janowitz M. *The Professional Soldier: A Social and Political Portrait*. Illinois: Free Press of Glencoe, 1960.

Jeffords S. *The Remasculinization of America: Gender and the Vietnam War*. Bloomington: Indiana University Press, 1989.

Jeffords S. *Telling the War Story* // *It's Our Military, Too! Women and the U.S. Military* / Ed. by J. Stiehm. Philadelphia: Temple University Press, 1996.

Jones E. *Red Army and Society. A Sociology of the Soviet Military*. Boston: Allen & Unwin, 1985.

Karner T. *Engendering Violent Men: Oral Histories of Military Masculinity* // *Masculinities and Violence* / Ed. by Lee H. Bowker. L.: Sage Publications, Thousand Oaks, 1998.

Morgan D. *Theater of War. Combat, the Military, and Masculinities* // *Theorizing Masculinities* / Ed. by H. Brod, M. Kaufman. L.: Sage Publications, 1994.

Sherman D. *The Construction of Memory in Interwar France*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1999.